



Н. М. ЗЕРНОВ

Русское религиозное возрождение XX века.

Гл. IV. Расцвет литературы и искусства

(фрагмент)

<...> Религиозное пробуждение, начавшееся в Петербурге, развивалось параллельно в Москве, но имело там менее яркие и менее революционные формы. Владимир Соловьев вел долгую и одинокую борьбу против враждебности интеллигенции к Церкви и оставил после себя несколько убежденных учеников. Из них наиболее знамениты москвичи-философы: Сергей Николаевич Трубецкой (1862—1905), брат его Евгений (1863—1920) и Лев Михайлович Лопатин (1855—1920). Продолжая традиции своего учителя и друга, они личным примером свидетельствовали против глубокого предрассудка русской интеллигенции, полагающей, будто всякая религия несовместима с критическим разумом. Вначале, подобно Соловьеву, три философа оставались одинокими фигурами; однако в первые годы XX века их влияние обратило к православию еще несколько молодых людей из среды интеллигенции. Самыми яркими из них были Флоренский, Эрн, Ельчанинов и Свенцицкий. Первые трое — выходцы из Тифлиса, из «светских» семейств. Вместе начали они служение Церкви, но впоследствии их пути разошлись. Священник Павел Александрович Флоренский (1882—1943) — самый значительный из них. В свое время в Московском университете он изучал математику под руководством профессора Бугаева, отца Андрея Белого, но, окончив факультет, поступил в Московскую Духовную академию, после блестящего окончания которой был назначен профессором философии (1908 г.). В 1911 году он принял сан священника. В 1914 году в Москве вышла его книга «Столп и утверждение Истины» (I Посл. к Тим. III. 15), с которой началась новая эра в русском богословии. Главная идея этой работы в

том, что истина догматов может быть познана только через посредство живого религиозного опыта. Это утверждение связывалось с основополагающей концепцией: каждая личность единсущна другой, поскольку является творением Святой Троицы, Божественный свет которой она отражает *. Свои философские и богословские мысли Флоренский подтверждал примерами, которые черпал из необычайно широких познаний в области математики, медицины, филологии, фольклора и оккультизма. Половину книги объемом в 812 страниц составляли примечания и комментарии, отражавшие поистине энциклопедическую эрудицию автора. Флоренский отказался от богословия, заимствованного русскими у Запада в XVIII веке, и восстановил связь с допетровскими традициями, используя для иллюстрации православного учения иконы, русский религиозный фольклор и искусство **. В качестве материала для необычной, но в то же время ортодоксальной трактовки христианства он использовал последние достижения европейской науки и мысли. Книга Флоренского революционизировала не только богословское мышление, но также стиль и форму русской богословской литературы. Вместо прозаической печати и сухого языка, обычных для подобных изданий, он изложил свои глубокие размышления о природе нашего знания о Боге в форме двенадцати интимных писем к другу. Его богословские экскурсы сопровождались лирическими отступлениями, поэтическими описаниями русского пейзажа и рассуждениями о личных переживаниях. Великолепное оформление книги говорило о художественной одаренности автора ***. Эта книга сразу же поставила Флоренского в ряд крупнейших русских богословов. Дальнейшая его судьба трагична: в 1933 г. он был арестован и сослан в исправительно-трудовые лагеря как

* Подробный анализ книги см. у Н. Лосского, «История русской философии», Зеньковского, «История русской философии», II, с. 89, 415, и у Флоровского, «Пути русского богословия».

** Сорок лет спустя его идеи стали популярны на Западе. См.: The use of art and liturgy as sources of theology (Initiation Théologique), Paris, 1952.

*** Василий Розанов, один из самых оригинальных писателей предреволюционной эпохи, называл Флоренского русским Паскалем. Он писал: «Флоренский — вождь нового поколения русских славянофилов. Множество сердец и умов в Москве и даже в Петербурге находятся под его влиянием. Познания его и эрудиция колоссальны, и он горит громадным энтузиазмом поиска истины. Он показался мне святым, так необычен и исключителен был дух его» (Спасовский. В. Розанов. Берлин, 1933. С. 18).

политический заключенный, хотя совершенно чуждался политики. Погиб он в годы второй мировой войны в одном из лагерей Сибири. О. Сергей Булгаков писал о нем в некрологе:

«Из всех моих современников, которых мне суждено было встретить за мою долгую жизнь, он есть величайший. И величайшим является преступление поднявших на него руку, обречших его хуже чем на казнь, но на долготетнее мучительное изгнание и медленное умирание. Он отошел, озаренный ореолом мученика и исповедника имени Христова. <...> Отец Павел был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ. Извне он был скорее нежного и хрупкого сложения, однако обладал большой выносливостью и трудоспособностью, отчасти достигнутой огромной аскетической тренировкой. Слабый от природы, он, насколько я помню, вообще никогда не болел, ведя жизнь, исполненную аскетических лишений. <...>

В его лице было нечто восточное и нерусское (мать его была армянка). Мне же духовно в нем виделся более всего древний эллин, а вместе еще и египтянин, обе духовные стихии он в себе носил, будучи их как бы живым откровением. В его облике, профиле, в строении лица, в губах и носе было нечто от образцов Леонардо да Винчи, что всегда поражало, но вместе и... Гоголя. <...> В научном облике о. Павла всегда поражало полное овладение предметом, чуждое всякого дилетантства, а по широте своих научных интересов он является редким и исключительным полигистром.... Здесь он более всего напоминает титанические образы Возрождения: Леонардо да Винчи и др., может быть еще Паскаля, а из русских — более всего В. В. Болотова. Я знал в нем математика и физика, богослова и философа, филолога, историка религий, поэта, знатока и ценителя искусства и глубокого мистика. <...>

Передо мной неотвязно стоит воспоминание, а вместе и предзнаменование грядущих судеб и свершений. Это — портрет наш, писанный нашим общим другом М. В. Нестеровым (1862—1942) майскими вечерами 1917 года в садике при доме о. Павла. Это был, по замыслу художника, не только портрет двух друзей, сделанный третьим другом, но и духовное видение эпохи» *.

Отец Флоренский был гением, явлением исключительным в истории человечества. В книге, посвященной его памяти и вышедшей в Париже в 1972 году (Ф. И. Уделов «Об о. Павле Фло-

* О. Сергей Булгаков. Священник о. Павел Флоренский. 1943 (рукопись).

ренском»), автор так описывает его послереволюционную деятельность и его разносторонние знания (с. 13—14):

[Следующий абзац полностью повторяется в названной книге Ф. И. Уделова.]

«С 1919 года (о. Павел) работал в области техники сначала при заводе “Карболит”, а затем при Главэлектро, где занимался вопросами электрических полей и диэлектриков, что, возможно, имело значение для создававшихся тогда первых электростанций. Имел не менее 12 засвидетельствованных изобретений в химии, электрике и других областях. В начале 20-х годов подготовил к печати курс лекций по “энциклопедии математики”. Тогда же напечатал и “Мнимости в геометрии”, и “Число как форма”. В эти же годы читал в Московском университете курс ферросплавов. Участвовал в первом издании Большой Советской Технической Энциклопедии, выходявшей в 1927—1936 годах, где участвовал в ряде отделов. По данным Модестова, в его статьях 1930 г. видна его обращенность к вопросам атомной физики. В первом томе Энциклопедии помещены его статьи об асфальтовых лаках, асбестовых массах и аспидных сланцах; в 10-м томе — о копалах; в 12-м — о линолеуме. Печататься в русских журналах начал не позднее 1903 года, т. е. еще будучи московским студентом. Кроме основных работ богословско-философского содержания, имел работы по электрике, промышленной технике, товароведению, астрономии, оптике, математике, истории искусства, теории знания, перспективной живописи, фольклору, филологии и литературе. Мог с полным знанием дела говорить и писать по вопросам медицины, психопатологии, оккультным наукам, археологии, психологии зрения, истории дамских мод, генеалогии дворянских родов. Знал несколько европейских и восточных языков. На древнееврейском, греческом и латинском языках читал и писал без словаря. Переводил Канта и церковного историка Зома. Печатал в журналах начала века стихи (было и отдельное издание: «В вечной лазури»).

Особое значение для русской культуры представляет тот факт, что человек, овладевший всеми этими разнообразными знаниями, нашел подлинное призвание в священстве и из-за этой верности Церкви принял мученическую кончину. По сведениям, дошедшим из ссылки, на лесозаготовках ему разможило голову упавшим деревом.

